

Л. В. Ланник

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРАХ ТАННЕНБЕРГА

66

Отмечается важность исследования процесса принятия решений при анализе военных и политических последствий сражений Великой войны. Указывается, что помимо объективных факторов весьма существенными были и различные субъективные, которые затем оказались скрытыми от глаз исследователей, игнорировались пропагандой, однако это не умаляет значимости субъективных факторов и не доказывает их отсутствия. На нескольких примерах предпринята попытка показать мотивы и опасения ряда ключевых фигур в 8-й армии Германии, повлиявшие на перипетии сражения, позднее ставшего Танненбергом (битва при Танненберге 26 – 30 августа 1914 г.).

Analyzing the military and political consequences of the Great War it is essential to study the process of decision-making. Along with objective factors, various subjective factors were also important. Later subjective factors turned to be hidden from the researcher's eye, being ignored by propaganda. However, it neither diminishes their significance, nor proves their non-existence. Basing on a few examples this author makes an attempt to reconstruct the motives and fears of several key figures of the German Eighth Army that influenced the course of action and the result of the Battle of Tannenberg.

Ключевые слова: Танненберг, субъективные факторы, Людендорф, Макензен, принятие решений, иерархия.

Key words: Tannenberg, subjective factors, Ludendorff, Mackensen, decision-making, hierarchy.

Танненберг является неотъемлемой и едва ли не важнейшей частью германской политической мифологии первой половины XX в., а потому к столетию этой битвы и в упорно дистанцирующемся от классической военной истории историческом сообществе Германии заинтересовались различными факторами становления мифа и его последующего развития. Были не только переизданы позабытые мемуары и публицистика, но появились и новые статьи [27], где с помощью популярных в историографии методов и при некотором забвении прежних достижений военно-исторической науки вновь ставились вопросы о том, что же сделало столь исключительным не имевшее переломного для Восточного фронта значения сражение. Хотя забвение в зарубежной историографии достижений военной истории периода 1945 г. вполне понятно с точки зрения естественного неприятия идеологического контекста нацистской идеологии, тем не менее оно зачастую обесценивает многие новые «открытия», которые таковыми не являются, ведь многое из этого уже было весьма подробно описано по свидетельствам еще живых участников событий. И все же при ознакомлении с новейшими работа-

ми возникают надежды на то, что возвращение к военно-исторической тематике приведет к становлению необходимого элемента истории повседневности, теперь уже «верхов», а не «низов» армии¹.

В пределах одной статьи достаточно сложно изложить и без того прекрасно описанные собственно военные перипетии сражения в Восточной Пруссии, поэтому необходимо сосредоточиться лишь на том, что представляется незаслуженно, но намеренно исключенным из общей канвы и логики событий. Исследуемый в данной работе аспект неизменно оказывал воздействие на процесс становления официальных версий истории, хотя лишь как своего рода негатив: на основе субъективных факторов и личных конфликтов придавали вполне определенную форму набору данных о битве, однако в итоговый вариант входило именно то, что должно было скрыть эту составляющую принятия решений и последующей оценки событий. Такому замалчиванию только способствовала традиционная военная этика, где «у победы много отцов, а поражение – сирота», а также железное правило всякой иерархической системы – «не выносить сор из избы», которого (за редким исключением) придерживались не только на действительной службе, но и десятилетиями после отставки. Так, о начальниках штабов корпусов и офицерах Генштаба дивизий, корпусов, штаба армии, определявших судьбы сражения при Танненберге в не меньшей степени, нежели их командующие, мы знаем очень немного. Нет сомнения в том, что среди них были весьма дельные военные специалисты, а также те, кто в силу своей должности (например, оберквартирмейстер генерал Грюнерт) оказались незаменимым при планировании логистики перебросок, почти молниеносной реорганизации снабжения и лихорадочном поиске ответа на вопрос «успеют или не успеют», касавшегося действий обеих сторон. Но офицеры из этой категории не успели/не захотели/посчитали себя не вправе оставить собственную версию истории Танненберга, хотя весьма активно консультировали в ходе переписки Рейхсархив, далеко не всегда учитывавший высказываемые ими пожелания и сведения. Они вряд ли дождутся своих биографов, а вот богатейшая литература о «героях первого плана», порой им некритически сочувствующая и доверяющая², окончательно заслонила их вклад и особенности от внимания исследователей.

Несмотря на гибель многих источников при бомбардировке Потсдама в 1945 г., вопреки декларируемому принципу «офицеры Генерального штаба имен не имеют», восстановить субъективный фон событий не только возможно, но и необходимо, иначе процесс принятия решений так и останется заранее предписанным будущим ходом событий (которые никак не могли быть известны в соответствующий момент), а портреты личностей командующих и их советников окажутся

¹ Помимо серии новейших зарубежных работ (напр.: [19; 21]) следует указать и на российские исследования по проблематике повседневности интеллектуальной элиты вооруженных сил [2].

² Такие апологетические биографии, только закалившиеся в огне полемики, выходят и до сих пор (см., напр.: [24]).

откровенно недостоверными. В ходе весьма драматично (для германской стороны тоже!) развивавшегося сражения в Восточной Пруссии кризисы и проблемы со связью были таковы, что порой судьба победы решалась не в штабе армии и даже не в штабе корпуса, а на уровне дивизии, бригады, полка. Воспитываемое в германском офицерстве стремление действовать инициативно, хотя и по шаблонным методам [23], обязывает уделить большое внимание не только верхним этажам командных структур.

Разумеется, кругозор, приоритеты и возможности на разных уровнях военной иерархии и при существенно отличающейся перспективе восприятия и скорости реакции на происходящие на полях боев события заставляют провести определенную градацию. К ней тем больше оснований, что при строгом соблюдении принципа старшинства при продвижении по службе на каждом из выделяемых уровней находились люди вполне определенного возраста, воспитания и мотивации. Едва ли 65–70-летние командующие армиями, последний раз сражавшиеся лично в эпоху войн за объединение Германии, могли руководствоваться новейшими военными теориями и пользоваться открывающимися техническими возможностями в той же мере, что и 45-летние старшие офицеры Генштаба, до того момента никогда не принимавшие участия в боевых действиях, зато иначе относившиеся к таким явлениям, как телефон, радио, автомобиль, авиация... Эти различия тем более сказывались при Танненберге, ведь в первый месяц войны определенного нивелирующего их общего военного опыта еще не было.

Для начала имеет смысл рассмотреть в качестве наиболее рельефных примеров биографии тех, для кого Танненберг стал трагическим финалом карьеры или, наоборот, позволил взлететь на невероятную высоту: это Притвиц и Вальдерзее, а также Гинденбург, Людендорф и Макензен³. Специфика восприятия Танненберга в Германии была такова, что данное сражение в любом случае гарантировало перелом в судьбе, однако субъективные обстоятельства при всей очевидной общности человеческой природы всегда сохраняют индивидуальную специфику, а потому будет уместна попытка реконструкции восприятия событий отдельными их героями, насколько это вообще возможно в рамках работы с письменными источниками.

Командующие армией

Известный своими резкими отзывами М. Гофман, ставший в августе 1914 г. 1-м офицером Генштаба (фактически главой оперативного отдела) в командовании 8-й армии, после войны утверждал, что фон Притвиц унд Гаффрон оказался во главе 1-й армейской инспекции в Восточной Пруссии и, автоматически, во главе 8-й армии при мобилизации лишь потому, что кайзеру нравилось, как тот развлекал его за-

³ К списку можно было бы добавить и Мольтке-младшего, заплатившего своей карьерой за поражение на Марне, однако и это — предмет отдельного исследования.

стольными анекдотами. Понимая цену ему, Мольтке-младший и Фалькенгайн будто бы намеренно отдалили Притвица от Ставки на случай войны, пытаясь направить его на пост, где он нанес бы меньше всего вреда⁴. Командование 8-й армией, оборонительная задача которой была прекрасно известна (ей позволялось даже отступать и достойно проигрывать превосходящим силам русских, всего лишь не допуская катастрофы), представлялось именно такой «синекурой». Примерный сценарий действий в случае войны с Россией был многократно и довольно точно разобран и отыгран на учениях генштабистов, и это подпитывало определенные надежды, что на этом, формально высоком — фактически командующий германской Восточной армией — посту Притвиц окажется максимально далеко от решающей кампании на Западе, а предоставляемую ему самостоятельность использовать во вред реализации плана Шлиффена не сможет, ограничившись исполнением многолетних инструкций. Кроме того, были шансы и на то, что война разразится тогда, когда Притвиц уже уйдет в отставку, или русские приятно удивят нерасторопностью и пассивностью и т.д. Если Гофман и преувеличивал, то лишь немного: опасения Мольтке и ставшего летом 1913 г. прусским военным министром Э. фон Фалькегейна насчет непредсказуемых инициатив кайзера, в том числе стратегических и кадровых, в пользу своих любимцев вполне можно понять.

Тем не менее к августу 1914 г. заветная мечта Фалькенгайна и Мольтке не сбылась: получивший назначение в Данциг лишь около года назад участник кампании 1866 г. генерал-полковник фон Притвиц в отставку отправлен не был даже в связи со своим 65-летием в ноябре 1913 г. Сказывались его связи при дворе и пристрастие кайзера к представителям старопруссских военных династий. Возможно, Притвицу оставалось совсем немного, около года, — и его сменил бы старейший из корпусных командиров или иной почтенного возраста протезе Вильгельма II из его военного окружения (о специфике которого см.: [13]).

В отличие от командующих на Западе фон Клука и фон Бюлова, Притвиц к вершинам славы не стремился, а предпочитал оставаться в рамках задачи стратегической обороны, что вполне соответствовало и выделенным ему силам. Тем не менее на фоне победной эйфории его поспешное, но вполне укладывавшееся в общий план ведения боевых действий на Востоке решение об отступлении за Вислу «на верху» не поняли. Почти тут же, 22 августа 1914 г., Притвица сменил проживший три года в отставке П. фон Бенекендорф и Гинденбург. Умерший 29 марта 1917 г. Притвиц принять участия в послевоенной полемике, в «битве мемуаров» (и самооправданий) не смог.

В ходе систематического создания мифа о Гинденбурге и Танненберге, ставших с 1914 г. неразрывно связанными национальными сим-

⁴ Его произведение «Танненберг, каким он был в действительности», в высшей степени интересное своим отличием от создавшейся тогда же в угоду Гинденбургу и Людендорфу официальной германской версии, до сих пор не переведено на русский язык, хотя переиздание работ М. Гофмана предпринималось недавно, впервые за 85 лет (см.: [3; 12]).

волами [11], утверждалось, что Мольтке-младший якобы так ценил престарелого генерала от инфантерии, что при его уходе на покой в 1911 г. обещал ему пост командующего армией в случае войны, а посему обращение Мольтке к Гинденбургу было ожидаемым (особенно им самим — чуть ли не со 2 августа), и вовсе не стало импровизацией в связи с неожиданным развитием событий в Восточной Пруссии. Кроме того, заявлялось и о том, что Гинденбург готовился к будущему Танненбергу еще в бытность свою офицером штаба 1-й пехотной дивизии в чине майора, за пару десятков лет до начала Великой войны⁵. Эти лестные построения представляются лишь фантазиями и самого Гинденбурга, известного мастера «самоинсценировки»⁶, и/или возможным следствием буквального понимания обычных в случае отставки утешений. В любом случае Гинденбург (как и Мольтке) был хорошо знаком с мобилизационным расписанием, знал о том, сколько планируется армий, знал, что командовать ими назначат глав армейских инспекций, причем исключение из этого правила возможно лишь для представителей правящих династий (кронпринцев Пруссии и Баварии, герцога Вюртембергского). Всякое иное назначение неизбежно будет согласовано с жестким принципом старшинства по службе (см.: [16]), а потому в случае «реактивации» Гинденбург мог рассчитывать максимум на командование вновь сформированным резервным корпусом, а то и на перевод на крупную административную должность в тылу.

Примером подобного назначения может служить еще один герой Восточного фронта — Р. фон Войрш. Он был даже старше П. фон Гинденбурга на несколько месяцев и тоже ушел в отставку в 1911 г. В начале августа 1914 г. Войрш получил назначение командующим Ландверным корпусом — почти импровизированным для тогдашней германской армии соединением, прикрывавшим Силезию силами не считавшегося (тогда) способным на большее ландвера и имевшим самые неопределенные перспективы в случае мощного удара русских армий по кратчайшему пути на запад. Когда выяснилось, что первый удар русских по Германии будет нанесен в Восточной Пруссии, Войршу представилась блестящая возможность проявить себя: от него ничего особенного не ожидали, а любому его успеху — с учетом тяжелых поражений союзной австро-венгерской армии — на левом берегу Вислы были только рады. Истинным отцом успешных действий его корпуса, армейской группы, армии стал один из лучших генштабистов кайзеровской армии и рейхсвера — В. фон Хайе⁷. Такой карт-бланш и последующие бои на Восточном фронте привели Войрша к званию генерал-фельдмаршала и к более чем почетной отставке 31 декабря 1917 г.

По-видимому, в начале августа 1914 г. П. фон Гинденбургу оставалось лишь завидовать своему сверстнику, однако вскоре еще более рискованный вариант проявить себя представился и ему. Почему был из-

⁵ По этому поводу весьма язвительно высказывается Гофман [12, S. 309–310].

⁶ См. исчерпывающую биографию Гинденбурга, написанную именно под таким углом зрения на его личность [18].

⁷ Он же впоследствии и воспел свершения Ландверного корпуса [10].

бран именно Гинденбург — это, как правило, объясняли его особой репутацией в глазах Мольтке, однако не менее вероятно и то, что данное решение (принимавшееся крайне поспешно) было достаточно автоматическим: из списка взяли именно того, кто вспомнился, кто не стал бы мешать Людендорфу, кто просто не нарушил бы принцип старшинства! Судя по назначению Войрша, как раз до Гинденбурга очередь и дошла. Маловероятно, что выбор происходил механически, только на основе списков по старшинству: никакие скандалы с Людендорфом в той крайне напряженной обстановке в Восточной Пруссии, где счет шел на часы, Мольтке-младшему были не нужны.

В ответ на предложение Мольтке возглавить 8-ю армию Гинденбург (конечно, не имея возможности вполне оценить ее положение к 22 августа) ответил кратко: «Готов». Степень риска он не осознавал (не было информации), да и не страшился его. Ответственность за неудачи уже возложили на Притвица и Вальдерзее, а перспективы спасения после казавшегося тогда близким триумфа на Западе никто не отменял. Ставки оказались высокими, но проигрывать Гинденбургу было нечего, а потому подбадривать его начали с самого начала: генерал-полковником он стал уже к 27 августа 1914 г., когда судьба сражения была еще далеко не решена. Основания для такого внеочередного производства в чин предоставили хотя и «задним числом», но всего через 4 дня, когда в виде главного доказательства одержанной победы в Германию потянулись десятки тысяч пленных русских солдат и офицеров...

Начальники штаба армии

Магия имен в сочетании с параноидальной завистью к свершениям и личностям эпохи Объединения много раз сыграла с Вильгельмом II злую шутку, однако никаких уроков для себя он из этого не извлек. После жесткого конфликта и отставки Бисмарка в 1890 г., которой кайзеру многие так и не простили, он твердо вознамерился затмить ту плеяду полководцев и государственных деятелей, которая под эгидой Вильгельма I создала Вторую рейх. А Вильгельм II был убежден, что сможет вывести свою империю на новый уровень, причем едва ли не в том же стиле, что и его предшественники. После отставки не особенно стеснявшегося в выражениях в адрес кайзера Шлиффена в 1906 г. Вильгельм практически заставил стать его преемником Г. Мольтке-младшего. Новый глава Большого Генерального штаба был известен главным образом тем, что долгие годы служил адъютантом своего великого дяди. Мольтке-младший смог достаточно принципиально противостоять наиболее абсурдным инициативам кайзера, однако великим племянник гениального Мольтке не был и сам это прекрасно осознавал⁸. Но кайзеру нужен был свой Мольтке, а потому в историю «мрачный Юлиус» вопреки своему желанию вошел.

⁸ Помимо апологетической версии событий, изданной женой Мольтке-младшего [8], его настроения весьма характеризует факт увлечения спиритизмом и общая подавленность «мрачного Юлиуса» (см. подробнее [17]).

Непросто сложились отношения Вильгельма II и с А. фон Вальдерзее, ушедшим в отставку с поста главы Большого Генерального штаба в 1891 г. Последний не стал щадить самолюбие молодого монарха и продолжал критиковать его, тесно контактируя с Бисмарком на своем новом месте службы. Этот разрыв также дорого обошелся кайзеру — получивший затем весьма почетные посты генерал-фельдмаршал обладал незаурядным талантом к политическим интригам. В августе же 1914 г. Вильгельм не удержался от того, чтобы обзавестись и собственным Вальдерзее. Им стал племянник фельдмаршала Георг фон Вальдерзее, назначенный начальником штаба 8-й армии. Выбор диктовался тем, что Вальдерзее-старший в свое время был известен как один из главных сторонников превентивной войны против России, а значит, родственнику и предстояло реализовать мечты дяди. Георг к тому моменту стал обер-квартирмейстером в Большом Генеральном штабе, имел соответствующий чин — генерал-майора и, как и его дядя, был уверен в возможности успешно противостоять даже значительно превосходящим силам русской армии. Таким образом, в августе 1914 г. склонный к эффектным жестам кайзер мог быть доволен: на Западе у него один племянник — Мольтке, а на Востоке — другой, Вальдерзее. Последний также мог быть доволен: цену Притвицу он знал и имел намерение стать героем кратковременной (месяц-полтора) обороны Восточной Пруссии.

Отставка вместе с Притвицем шокировала Вальдерзее, который сделал многое для того, чтобы отговорить командующего от поспешного решения об отходе за Вислу. При этом оснований для возмущения несправедливостью у него было немного: согласно этике взаимоотношений между командующим и начальником штаба ответственность за операции они несли коллективную. Далеко не старый (54 года), имевший неплохие связи в столице и изрядный опыт интриг, Вальдерзее так и не смог преодолеть проклятие Танненберга. Лишь в 1918 г. его назначили губернатором Севастополя, где он тут же попытался проявить себя хотя бы административными свершениями, однако это привело в основном к конфликтам с истинным хозяином положения — адмиралом А. Хопманом, фактическим главнокомандующим силами германского флота в Причерноморье (см. его дневники: [25, S. 452ff.]). Затем Вальдерзее пробовал себя в политической публицистике [26], но 1914 г. навсегда положил конец его надеждам.

Ушедший в 1913 г. «в строй» с должности главы оперативного отдела в Большом Генеральном штабе со скандалом имперского масштаба [4] полковник Э. Людендорф сумел отыгаться невероятно быстро. Получив стараниями Мольтке-младшего звание генерал-майора весной 1914 г., 49-летний честолюбец был намерен любой ценой вернуть себе ключевую роль в планировании или хотя бы в реализации решающей кампании на Западе. Уже взятия Льежа — при всех попытках лишить оказавшегося на месте событий ретивого генерал-майора хотя бы части славы — стало бы достаточно для нового витка его карьеры. Но шанс спасти Восточную Пруссию должен был затмить даже свершенный 7 августа в Льеже подвиг, а потому Людендорф покидал решающий фронт без озлобления. Восточная Пруссия была для него не ссылкой, а

экслюзивной возможностью: не поучаствовать в казавшемся (22 августа, да и даже 2 сентября) неудержимым победоносном шествии на Западе, отлично спланированном заранее и уже набравшем обороты, а спасти то, что другие бы отдали, считая, что это — необходимая цена победы. Уже первая встреча с невозмутимым Гинденбургом в ночь на 22 августа 1914 г. в идущем на восток спецпоезде показала Людендорфу, что старый господин будет охотно санкционировать продуманные начальником штаба меры при условии соблюдения необходимого пиетета.

Теперь уже вряд ли удастся разобраться в том, насколько велик был вклад в трансформацию отступления 8-й армии, в ее сосредоточение для удара во фланг Самсонову Людендорфа, Гофмана, Мольтке, Франсуа, начавшего битву при Танненберге, и самого Гинденбурга, хотя версии их авторства опубликованы⁹. Однако несомненно, что прибытие Людендорфа в Восточной Пруссии почувствовали быстро, а его энергичность преодолела не только кризисы субординации, но и проблемы со связью. Тандем Гинденбург-Людендорф, позднее многократно идеализированный, сложился очень быстро. Танненберг сделал их неразлучными, в чем тут же убедился сменивший (тайно) Мольтке-младшего 14 сентября Э. фон Фалькенгайн. Его попытка сразу же разлучить опасную своим влиянием пару и отправить Людендорфа в новую 9-ю армию, а Гинденбурга оставить в 8-й закончилась политическим кризисом общегерманского уровня, а единство дуумвирата пришлось восстановить всего через два дня, к 18 сентября 1914 г. В дальнейшем конфликты возникали постоянно (см., напр., [9]), вплоть до полной победы Людендорфа и его назначения фактическим главой Ставки (в должности 1-го генерал-квартирмейстера) в конце августа 1916 г. Характерно, что награды и звания как таковые Людендорфа волновали куда меньше, чем престарелых генералов. Отставки он не опасался, придворным ритуалам (ущемленный отсутствием предлога «фон») был чужд, официальными визитами тяготился, ненавидя придворную камарилью и виня ее в недостаточном развитии германской армии в довоенной период. Разумеется, он весьма ревниво относился к славе и настоящей власти, однако был готов пожертвовать ради них внешними почестями. Именно поэтому за Танненберг Людендорф нового звания не получил, *Pour le Mérite* ему вручили за Льеж, так что могло показаться, что его вклад не заметили вовсе. На деле же истинное значение ретивого генерала сказалось уже очень скоро: именно он теперь должен был обеспечивать становление главного национального героя Германии, что сулило огромную власть.

Командующий 17-м армейским корпусом

Разумеется, чрезвычайно интересно было бы проследить в этом разделе субъективный контекст действий по меньшей мере пяти генералов из 8-й армии — командующих четырьмя корпусами, а также от-

⁹ В большинстве своем (напр., [7; 14]) они до сих пор не переведены на русский язык.

дельной резервной дивизией фон Моргена, однако ярче других важность личных обстоятельств иллюстрирует, несомненно, судьба командующего 17-м армейским корпусом. А. фон Макензену, в свое время претендовавшему едва ли не на равное с Гинденбургом место в системе националистических мифов Германии эпохи мировых войн, к настоящему моменту посвящено в разы меньше исследований (важнейшее из них — [22]), чем его начальнику, но это только подчеркивает необходимость более подробно остановиться на том, какую роль мог сыграть и сыграл в судьбе этого человека Танненберг. Среди всех командующих корпусами именно Макензен стал наиболее ярким примером сложного эмоционального кризиса в дни сражения в Восточной Пруссии.

Шокированный неудачей в ходе сражения под Гумбиненом и последующим отходом, Макензен уже после войны писал, что лишь приветствует смену командующего 8-й армией на Гинденбурга [15, S. 46], однако, весьма вероятно, что в действительности это назначение усилило его горечь от событий 20 августа. С отставкой Притвица и при напряженной обстановке, не терпящей промедления и ожидания, пока придет в Восточную Пруссию новое командование, Макензен, в свои 64 года, оставался старейшим из командиров корпусов, а потому, строго говоря, руководство армией должен был (пусть даже временно) принять на себя именно он. Макензен мог рассчитывать, что в его пользу будут и крепкие связи при дворе — он много лет оставался в фаворе у кайзера, получив от него дворянский титул, звание генерал-адъютанта и место в свите. Кроме того, через своего сына он умудрился свести близкое знакомство (на будущее) и с кронпринцем Вильгельмом [15, S. 16—30]. Дополнительным аргументом в пользу Макензена стало и то, что из всех четырех командующих корпусами он не только был старейшим, но и лучше всех знал театр боевых действий. Ведь в Кёнигсберге ему доводилось служить еще в конце 1870-х, в учениях Генштаба в Восточной Пруссии он принимал участие в 1880—1890-х. Семнадцатым (Западно-Прусским) корпусом он командовал к тому моменту 6,5 лет, великолепно изучив свой корпусной округ, который уже становился частью театра военных действий. Нет сомнений в том, что при достижении вскоре (в декабре 1914 г.) 65-летнего возраста его бы, скорее всего, перевели в резерв или, по меньшей мере, на тыловую или административную должность. Теперь же, после тяжелых потерь в сражении при Гумбинене и явного поражения его корпуса, за войска которого мог нести ответственность только он сам (отговориться тем, что он занимает должность лишь недавно и не преодолел еще наследия предшественника, на что могли ссылаться и фон Франсуа (1-й корпус) и даже Шольц (20-й), не говоря уже о фон Белове, командовавшем только что сформированным 1-м резервным корпусом, у него шансов не было), перед Макензеном замаячила перспектива отставки.

Отказ не только в должности командующего армией, но даже во временном руководстве ею мог восприниматься как первый шаг к отставке или как лучшее, на что Макензен мог (благодаря протекции кайзера) рассчитывать. Вполне вероятно, что его не отправили в отставку тогда же, вместе с Притвицем и Вальдерзее только потому, что учли

крайне негативное воздействие подобной меры на боевой дух его и так потрясенного неудачей 17-го корпуса, ведь и солдаты, и офицеры могли воспринять это как признание поражения 20 августа. Более того, Макензену не было никакого резона пытаться свалить ответственность на Притвица (хотя это все же сделали при составлении впоследствии официальной версии событий Рейхсархивом), ведь даже 20 лет спустя он признавал, что «переоценил (20 августа) подвижность и энергичность» русских, что и повлияло на оценку им ситуации [15, S. 40]. Притвицу он явно сочувствовал, хотя и не признавался открыто, что поступил бы на его месте так же, то есть не посмел бы одобрить решение опального командующего 8-й армией об отступлении за Вислу.

Конечно, утешало то, что Макензену был (хотя и еще Притвицем, и без письменного приказа об этом) подчинен 21 августа 1-й резервный корпус и 1-я кавалерийская дивизия¹⁰ — он мог бы тешить себя мыслью о том, что уже руководит армейской группой, однако было очевидно, что эта мера лишь временная — на период отступления пешим порядком перед Неманской армией — и, возможно, вовсе не одобряемая Ставкой. Хотя принцип старшинства не нарушили: никто из командующих корпусами, уступавших ему по выслуге лет, его начальником не стал, — тревоги добавлял сам факт того, что во главе армии был поставлен почти 67-летний генерал, ушедший на покой. Это только подчеркивало, что Макензена сочли менее достойным доверия, чем отставного Гинденбурга, да еще и отсутствовавшего на момент назначения на театр военных действий. Как сложатся отношения не только с ним, но и с известным всей армии крайне резким характером и амбициями новым начальником штаба 8-й армии Э. Людендорфом, было неизвестно. Оставалось надеяться, что в ходе последующих действий неудача 20 августа как-то компенсируется в условиях неопределенности его миссии: не было ясно, придется ему прикрывать тылы остальных корпусов от наступления Неманской армии или принять участие в сражении, позднее названном Танненбергом. В любом случае, права на неудачу или на своеволие, подобное тому, что позволял себе Г. фон Франсуа, Макензен больше не имел. Отставка была очень близка, а лимит доверия и связей он, по-видимому, уже исчерпал. Времени на срочную победу оставалось немного — до окончания решительного сражения против Наревской армии, то есть около 10 дней. Именно этим объясняются столь настойчивые, но куда более искусные, чем у Франсуа, попытки снискать себе славу и реабилитироваться еще 25–27 августа.

Пиком нервного напряжения относительно отставки у Макензена должно было стать 26 августа, когда еще ночью пришел приказ штаба армии, по которому ему поручалось прикрытие тылов 8-й армии, а одну из его дивизий передавали 1-му резервному корпусу. Тем самым славу возможного победителя 6-го русского армейского корпуса под

¹⁰ Детали хода сражения с германской точки зрения лучше всего описаны в специальных работах. Здесь и далее фактология приводится по [6; 20]. Аналогичной по качеству и объему работы, представляющей русскую точку зрения, пока не создано, несмотря на неоднократные попытки, а также ряд исследованных по отдельным эпизодам и проблемам и публикацию большого количества документов еще в межвоенный период (см., напр.: [1; 5]).

Бишофсбургом должен был бы получить фон Белов, а Макензену выпадала не слишком благодарная, а возможно, и самая опасная миссия из всех, ведь никакой уверенности в пассивности или неверном направлении наступления Ренненкампафа тогда, естественно, не было. Вот потому Макензен, посчитав, что телефонный разговор со штабом 8-й армии дал ему право вмешаться в бои с 6-м корпусом всеми силами, а не только одной дивизией, беспощадно гнал вперед 35-ю пехотную дивизию, терявшую десятки людей на маршах по песчаным дорогам под палящим солнцем, — только бы она успела внести решающий вклад в победу под Бишофсбургом еще до активного содействия 1-го резервного корпуса. Фактически Макензен жертвовал своими людьми в этой игре наперегонки с Беловом, в которой последний, впрочем, участвовал, не подозревая об этом и щадя своих резервистов, уступавших, хотя и незначительно, солдатам кадрового корпуса в боеспособности. Командующий 17-м корпусом весь день 26 августа требовал от своих подчиненных вступить в бой, не желая учитывать донесения об измотанности пехоты переходами по 50 км в день. Более того, поспешное продвижение на юг всеми силами вместо прикрытия тылов всей армии отодвигало угрозу тылам собственно 17-го армейского корпуса, «убегавшего» от Ренненкампафа в ходе преследования 6-го армейского корпуса русских, однако закончиться это вполне могло внезапным ударом русских войск прямо в тыл ведущей сдерживающие бои центральной группировки 8-й германской армии.

Именно такая перспектива и стала вырисовываться, когда цепь Мазурских озер стал обходить 2-й русский армейский корпус, а также кавалерия. Это выглядело не столь фатально, как возможный марш основных сил Ренненкампафа не к Кёнигсбергу, а на юго-запад: ведь тогда из-за рвения Макензена на юг эти русские войска и сдерживать было бы некому. Продлись упорные атаки армии Самсонова под Алленштейном чуть дольше, опоздай хотя бы на сутки ландверная дивизия Гольца, и в отчаянное положение попал бы брошенный Макензеном 1-й резервный корпус, зажатый между необходимостью помогать центральной группировке 8-й германской армии и срочно разворачиваться для сдерживания наступающих войск 1-й русской армии. В случае неудачи этой почти невыполнимой миссии главным виновником поражения германской армии и состоявшихся «клещей» со стороны Ренненкампафа и Самсонова становился бы Макензен, помчавшийся за разбитым 6-м русским корпусом, не обращая внимания на свои тылы и судьбу соседних соединений.

Разумеется, в позднейшем германском официальном мифотворчестве такая беспощадность к своим же войскам объяснялась горячим желанием освободить родину и безошибочным предвидением важности поспешных переходов в рамках общей операции¹¹, хотя о ней в дей-

¹¹ Например: «Горячее желание как-то участвовать и даже внести решающий вклад в происходящее, возникало, однако, не только из вполне понятного честолюбия солдата, но и сознания долга и ответственности его натурой полководца, обладающего ясным оперативным мышлением и способностью четко оценить ситуацию» [15, S. 54].

ствительности можно было лишь мечтать: со штабом армии прочной связи не существовало, да и там, строго говоря, контуры будущего Танненберга вырисовывались далеко не сразу и не без колебаний. Не менее осторожные формулировки приводились и в межвоенных оценках дискуссий 27 августа между штабами 1-го резервного и 17-го армейского корпусов о направлении наступления на следующий день. Если исходить из версии личной заинтересованности, а не только недопонимания и проблем со связью, которые, несомненно, имели место, то суть споров вызывалась тщеславием и опасениями командующих. Макензен был твердо намерен выжать максимум из совместной с 1-м резервным корпусом победы под Бишофсбургом над 6-м русским армейским корпусом, который обратился в бегство в южном направлении. При этом, поскольку в преследовании у Макензена была фора, а его кадровые солдаты показывали на маршах лучшие результаты, то все приятные и зримые плоды победы достались бы ему: пленные, трофеи, освобожденные города и деревни и прочее. Макензен, догадываясь (но не зная точно из-за отсутствия связи со штабом армии и необходимой секретности при передаче приказов) о намечающемся окружении главных сил 2-й русской армии, быстро понял, где будет замыкаться кольцо¹², а потому был намерен отрезать потерпевшим поражение русским путь к отступлению и получить лавры чуть ли не главного героя Танненберга, по меньшей мере среди командующих корпусами, обойдя Г. фон Франсуа в этом соревновании тщеславия.

Командующий 1-м резервным корпусом фон Белов был больше озабочен судьбой основного сражения в Восточной Пруссии и задумывался о содействии наскоро собираемой группировке германских войск в центре, куда еле успевала прибыть ландверная дивизия Гольца из Северной армии в Шлезвиг-Гольштейне. Устраивать дележ шкуры неубитого медведя и гонки за трофеями он справедливо полагал преждевременным, а потому (к ликованию Макензена) открыто просил 17-й армейский корпус, чтобы именно он выдвинул отряд в Пассенхайм, так как его резервисты не в силах осуществить такой далекий переход. Имея хотя бы периодическую связь со штабом армии, фон Белов оказался лучше осведомлен об общей обстановке и 27–28 августа, как и Людендорф, был отнюдь не уверен в том, что разгром 2-й армии уже состоялся, а потому теперь самое время готовиться к ее пленению в лесах на юге провинции.

По-видимому, в еще большей степени руководствовался этим и начальник штаба 1-го резервного корпуса полковник граф Позадовски-Венер, который, понимая желание кавалериста Макензена собирать плоды победы в лихих рейдах, настаивал на привлечении 17-го армейского корпуса к наступлению на Алленштейн, причем в полном составе, а не частью сил. Для этого он сознательно пошел на дополнение передаваемого через него приказа по армии указанием Макензену разво-

¹² Потому он с вечера 25 августа (по его утверждениям, но уж никак не позже вечера 26 августа) стремился занять Пассенхайм и Едвабно, а в перспективе и Ортельсбург (см.: [15, S. 52–53, 403]).

рачиваться на запад, да еще и фактически отозвать уже добравшийся до далекого Пассенхайма на юго-западе отряд, чтобы не кольцо готовить, а для начала выиграть решающую битву против центральных корпусов армии Самсонова¹³. Такие указания со стороны Позадовски позднее сочли своеволием, а карьера его пошла несколько иначе, чем ему хотелось¹⁴. Теперь уже сложно установить, чего в его действиях вечером 27 августа было больше: искренней уверенности в том, что именно этого штаб армии и хотел, или же осмысленного и даже вызванного тщеславием Макензена риска искажения приказа ради того, чтобы заставить не имеющего связи с командованием старого честолюбца действовать более ответственно, прекратить погоню за славой и помочь своим соседям. В случае успеха эта история (как и многие другие аналогичные) в дальнейшем сравнительно легко сошла бы Позадовскому с рук, ведь при его правоте штаб армии тут же подтвердил бы, что он именно этого и хотел; кроме того, можно было сослаться на запоздание в передаче приказа, недопонимание и т. д. Да и Макензен в таком случае просто не посмел бы признаться в том, что оспаривал решение штаба армии (а на самом деле — Позадовского), которое оказалось верным и привело к победе. Это слишком противоречило его характеру, да и повредило бы карьере и отношениям с начальством. На такое умудренный карьерист Макензен, в отличие от склонного к скандалам с начальством Франсуа, никогда бы не пошел. Отсутствие прямой связи со штабом армии, а также большие задержки при передаче приказов тот же Франсуа мог бы счесть просто подарком судьбы, ведь это дало бы ему возможность всегда действовать только по своему усмотрению. А он к этому и стремился, считая, что и в военное время как командующий корпусом может обращаться напрямую хоть к кайзеру¹⁵. Но не тут-то было: новое командование армии и Людендорф лично вполне учили эскапады Франсуа в начале кампании и старались контролировать продолжавшего фрондировать генерала максимально плотно. Макензен же далеко на востоке от штаба армии так и не решился воспользоваться своей полуизоляцией, возможно, понимая, что этого на фоне поражения 20 августа ему могут и не простить.

Щекотливости ситуации придавало и то, что Макензен 25–28 августа полагал, что ему якобы подчинен 1-й резервный, однако в действительности он получал указания от этого корпуса и фон Белова, так как связь со штабом армии была только через него. Резкое изменение обстановки к полудню 28 августа, когда выяснилось, что никаких крупных сил русских в Алленштейне более нет, означало, что Макензен может отныне ссылаться на свою прозорливость, жалеть об упущенном времени, сетовать на итоги преследования, и это только укрепляло вер-

¹³ Детали этого в изложении начальника штаба 17-го армейского корпуса подполковника фон Дункера см. в [15, S. 403. Anm. 22].

¹⁴ Позадовски вскоре был отправлен командовать полком и погиб уже осенью 1914 г.

¹⁵ Так он и сделал в одной из дальнейших конфликтных ситуаций, что было грубым нарушением армейской этики и субординации.

сию о его оперативном гении и заслоняло простое рвение к славе. При этом он не забыл вечером 28 августа, когда появилась связь, оправдаться перед штабом армии [15, С. 56], все же опасаясь обвинений в самоуправстве или промедлении либо критики за неподчинение. В течение последующих дней упования Макензена по большей части реализовались: его корпус все же оказался на главном направлении отступления частей центральных корпусов армии Самсонова, попытки разорвать кольцо под Ортельсбургом силами 6-го русского корпуса оказались куда менее опасными, чем аналогичные действия 1-го русского корпуса против войск генерала Франсуа, а по итогам ликвидации «котла» на долю корпуса Макензена досталось около трети всех захваченных пленных (до 30 тыс.) и трети орудий (114 шт.) [15, С. 58–59].

Надо отдать должное Макензену: уже в ходе Танненберга он понял, что ему уготована судьба героя второго плана, на долю которого, если он будет верно сопровождать удачливый дуумвират, не пытаясь затмить его, выпадет вполне достаточно дивидендов. «Вечно вторым» в награду за преданность и отказ от попыток выйти на первый план он и пробыл вплоть до смерти Гинденбурга в 1934 г. и Людендорфа в 1937 г., после чего тщеславие Макензена было удовлетворено окончательно.

Разумеется, вывести общие закономерности на основе столь субъективизированных «отдельных случаев», да еще из далеко не полного их набора, не всегда возможно, однако по меньшей мере один итог напрашивается: такие параметры, как возраст, состояние здоровья, амбиции, даже с трудом угадываемая по письмам психосоматика и способность выражать свои мысли в кульминационные моменты, всегда играют огромную роль, а в сражении при Танненберге они определяли судьбы не только сотен тысяч людей, но и политическую участь обеих сошедшихся в схватке империй. Трагедия в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 г. для обеих сторон — для армий и для мирного населения, обратившегося в паническое бегство, — стала примером того, как пестрый набор из личных обстоятельств, недоразумений и инерции восприятия может определять участь громадных масс людей, так никогда и не узнавших большинства причин столь резкого перелома в их судьбе.

Список источников и литературы

1. *Восточно-Прусская операция* : сб. док. мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917). М., 1939.
2. Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016.
3. Гофман М. Главный противник — Россия. М., 2015.
4. Ланник Л. В. Увеличение германских вооруженных сил в 1911–1913 гг. и германская военная элита // Накануне Великой войны: Россия и мир : сб. докл. и ст. / под ред. М. Б. Смолина, К. А. Залесского. М., 2014. С. 296–318.
5. Лихотворик А. Восточно-Прусская операция. Август 1914 г. URL: <http://www.grwar.ru/library/EastPrussiaVIII/-index.html> (дата обращения: 18.06.2017).
6. Elze W. *Tannenberg. Das deutsche Heer von 1914. Seine Grundzüge und deren Auswirkung im Sieg an der Ostfront*. Breslau, 1928.

7. *Francois H. von*. Marneschlacht und Tannenberg. Berlin, 1920.
8. *Generaloberst Helmut von Moltke*: Erinnerungen, Briefe, Dokumente, 1877 – 1916 / hrsg. von E. Moltke. Stuttgart, 1922.
9. *Guth E. P.* Der Gegensatz zwischen dem Oberbefehlshaber Ost und dem Chef des Generalstabes des Feldheeres 1914/15. Die Rolle des Majors von Haefen in Spannungsfeld zwischen Hindenburg, Ludendorff und Falkenhayn // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1984. №1. S. 75 – 111.
10. *Heye W.* Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkriege 1914/1918: 2 Bde. Breslau, 1935 – 1937.
11. *Hoegen J. von*. Der Held von Tannenberg: Genese und Funktion des Hindenburg-Mythos. Köln; Weimar, 2007.
12. *Hoffmann M.* Tannenberg, wie es wirklich war // Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann / hrsg. von K. Nowak. 2 Bde. Leipzig, 1929.
13. *Hull I. V.* The Entourage of Kaiser Wilhelm II, 1888 – 1918. Cambridge, 2004.
14. *Ludendorff E.* Tannenberg: geschichtliche Wahrheit über die Schlacht. München, 1939.
15. *Mackensen*. Briefe und Aufzeichnungen / hrsg. von W. Foerster. Leipzig, 1938.
16. *Meier-Welcker H.* Untersuchungen zur Geschichte des Offizierkorps: Anciennität und Beförderung nach Leistung. Stuttgart, 1962.
17. *Mombauer A.* Helmut von Moltke and the Origins of the First World War. Cambridge, 2001.
18. *Pyta W.* Hindenburg. Herrschaft zwischen Hohenzollern und Hitler. Berlin, 2007.
19. *Schaar S.* Wahrnehmungen des Weltkrieges: Selbstzeugnisse königlich sächsischer Offiziere 1914 bis 1918. Paderborn, 2014.
20. *Schäfer T. von*. Tannenberg. Oldenburg ; Berlin, 1927.
21. *Schmitz M.* 'Als ob die Welt aus den Fügen ginge': Kriegserfahrungen österreichisch-ungarischer Offiziere 1914 – 1918. Paderborn, 2016.
22. *Schwarz Müller T.* Zwischen Kaiser und „Führer“. Generalfeldmarschall August Mackensen. Eine politische Biographie. München, 1995.
23. *Sigg M.* Der Unterführer als Feldherr im Taschenformat: Theorie und Praxis der Auftragstaktik im deutschen Heer 1869 bis 1945. Paderborn, 2014.
24. *Uhle-Wettler F.* Erich Ludendorff: Soldat – Feldherr – Revolutionär. 3., vollst. überarb. Aufl. Graz, 2013.
25. *Von Brest-Litowsk* zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.
26. *Waldersee G.* Graf von. Betrachtungen eines alten Preußen über die Schicksale seines deutschen Vaterlandes. Berlin, 1927.
27. *Zimmermann J.* Von den operativen und erinnerungsgeschichtlichen Dimensionen eines Raumes. Die Schlacht von Tannenberg 1914 als Paradebeispiel räumlicher Inszenierung // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2014. № 73. S. 349 – 365.

Об авторе

Леонтий Владимирович Ланник – канд. ист. наук, доц., ассоц. сотр., Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия.

Email: leo-lannik@yandex.ru

The author

Dr. Leontii V. Lannik, Associate Professor, the European University in Saint-Petersburg, Russia.

Email: leo-lannik@yandex.ru